



Александр Коротаев

---

Деревенские  
рассказы

Сборник рассказов

12+

# Александр Владимирович Кортаев

## Деревенские рассказы

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=48638902](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48638902)*

*SelfPub; 2019*

*ISBN 978-5-532-08289-2*

### Аннотация

– Ну что, твари! Будем шмон наводить, снимайте всю позолоту с себя, выворачивайте карманы. Да быстро! – прикрикнул он, ещё раз выстрелив в кафель возле ног цыган для пущей остротки. Валентин выскочил за дверь, прикрыв её, стал к ней спиной. В ушах глухо звенело от выстрела. Он перестал понимать, что происходит. Чувствовал только, что-то страшное, нехорошее надвигается на него. Валентин сам напугался, не меньше этих цыган.

# Содержание

Что я дура	4
Двойной день рождения	8
Рябиновое варенье	15
Наглый и ленивый кот	26
Голуби, увлечение с детства	30
Алёшкина наука	38
Неудавшийся охотник	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

# Что я дура

Мама пошла на работу, Стёпка побежал к бабушке. Когда мама дежурит, Стёпка всегда ходит на целый день к своей бабушке. У них в селе есть детский сад, но Стёпу туда не водят. Может ходил бы он в детский сад, только помнит Стёпа по какой причине его перестали водить в садик.

Играли они с девочкой там, наверное, шумно слишком играли. Воспитательница, в наказание поставила ребят в разные углы. Остальных детей уже спать уложили. Вероятно, сон час настал. А, Стёпа с девочкой всё стоят. Строго настрого наказала провинившимся детям воспитательница стоять и из углов не выходить, а сама ушла. Стояли они стояли, тут захотелось Стёпе по нужде. Что делать не знает, выходить то из угла нельзя, тётя ругаться будет. Спрашивает он девочку, что, мол делать? Та недолго думая присела и сходила по малой нужде. Таким образом показала мальчику личным молчаливым примером что ему нужно делать. Ну, а Стёпе по большой приспичило, тоже сходил. После этого в детский сад его больше не водили.

Прибежал Стёпка к бабушке, а там уже двоюродная сестра одноклассника пришла, сидит за столом, завтракает. Сиротки они с Ольгой. У Оли мама умерла от воспаления лёгких, а у Стёпы отец погиб.

–Здравствуй, баба. – Говорит Стёпа, а сам тяжело дышит,

всю дорогу сюда бежал.

–Здравствуй, родной! Тебя кто так гнал то? Мой руки и садись завтракать. –Сказала бабушка, одновременно ловко орудуя ухватом в русской печке. Ольга завтракала, сидела с торца стола и раскачивалась на задних ножках табурета, держась руками за края стола, заговор чески улыбаясь Стёпе.

–Ольга, перестань кобениться. Ведь упадёшь сейчас. – Налив и поставив ей кружку чая с молоком, прикрикнула строго бабушка на внучку.

–Не упаду, баба. Что я дура, что ли? – Ответила бабе, самоуверенная сестрёнка. Тут ножки табурета внезапно скользнули вперёд к столу, Оля полетела от стола спиной к полу. Рефлекторно схватившись руками за скатерть. Скатерть поехала со стола, сваливая всё что стояло на столе на Олю и на пол, всерьёз напугав бабушку.

–Ы! Теперь верю, что не дура. – Воскликнула бабушка в сердцах.

Позавтракав, Стёпка с Олей играли в большой комнате.

–Стёпа, заскочи, достань пяток картофелин. Суп к обеду сварим. –по звала бабушка, снимая крышку с лаза в подполье. Взяв у бобы кастрюльку под картошку, Стёпа спустился вниз. Сестра, лёжа, на половину свесившись в лаз, следила за Стёпкой.

–Ольга, отойди от дыры. Не хватало ещё, что бы в подполье упала. – Услышал бабушкин строгий голос Стёпа.

–Да, что я дура, что ли? – С этими словами, Оля загремела

вниз головой по лесенке.

–Ольга! – Испугано закричала бабушка. Убедившись, что Оля легко отделалась, она настрашала её.

–Это что за егоза-то такая? Сил моих никаких нет. Придёт твой отец с работы, я ему всё расскажу, как ты меня слушалась. Дождёшься, он тебя точно выпарит.

Ближе к обеду обогрело, дети вышли играть во двор. Залезли на крышу навеса, стоявшего над погребом. Оля нянчила куклу, пеленая её в тряпочки и укладывала строгим голосом спать. Стёпка пускал по пологому скату крыши машинку на трёх колёсах. Четвёртое переднее правое колесо, где-то давно потерялось. Машина скатывалась до края крыши и падала на землю вниз. Стёпа прыгивал за ней, прыгать было не высоко. Брал машинку и вновь подымался по приставленной с боку лестницы на скат навеса и всё повторялось.

Створки окна дома открылись, бабушка выглянула в окно.

–Стёпа, на высыпь курам. -И она протянула чашку с крошками, с яичной скорлупой и прочими объедками со стола. Стёпка прыгнул с крыши и, взяв чашку, побежал в дальний угол двора, где стояла кормушка для птиц.

–Ольга, не прыгай, зашибёшься ещё. – Послышался бабушкин нервный окрик. Стёпка, почувствовав, что сейчас что-то случится, повернулся на сарай. Оля сидела на краю крыши и собиралась прыгнуть.

–Ну, что я дура что ли расшибаться? – С этими словами сеструха прыгнула вниз. Приземлившись на ноги, коленки у

неё согнулись, и она ударилась об них нижней челюстью.

–А-а-а! – Заревела сестрёнка.

–Это, что за наказание такое на мою голову. – Запричитала в доме бабушка. Оля прикусила язык. Из рта кровото-чило. Стёпе было жалко её. Он успокаивал сестру. Вдруг замолчал и серьёзным голосом, подражая своей маме сказал:

–Точно, быть тебе битой сегодня.

–Почему? – спросила Оля, моментально забыв о боли.

–У тебя платье на левую сторону надето. Мама говорит, что это битым быть. Примета такая.

Оля тут же передела платьишко. Только кажется дело не в том, как платье одето, а может всё-таки в хвастовстве и излишней самоуверенности?

# Двойной день рождения

В последний день января у Стёпы именины. Мама смеётся, говорит ему:

–Ты у нас Стёпа чуть ли не Февралька. Ещё бы два часа по вредничал, по брыкался в животе точно был бы Февралькой.

Февралькой звали у них прошлогоднюю тёлочку. Она первого февраля родилась. Вот мама поэтому и смеётся над Стёпой.

–Я, что понимал, что ли? В календарь не заглядывал. – Картинно разводя руки в стороны вверх ладонями, слегка жжимая голову в плечики, на полном серьёзе отвечал Стёпа. По научению кого- то из ближних, как бы подыгрывал маме Стёпка. Это получалось у него смешно, кто видел, обязательно смеялся.

В свой день рождения Стёпа проснулся рано. Кошка Мурка умывалась, сидя перед порогом у входной двери. По примете, гостей ворожила. В русской печи потрескивали, горели жёлто-красным огнём берёзовые поленья. Языки пламени изредка проскакивали вместе с дымом через устье печи в дымоход. Мама деревянной узкой лопаткой с длинной ручкой замешивала в кадке тесто. Будет стряпать хлеб, печь пирог в честь именин. Хорошо, почти по-весеннему освещало и пригревало солнышко через большие окна избы. В доме чувствовалось праздничное настроение.

–Ага! Наш именинник проснулся. С днём рождением тебя, сыночек! – Мама, поцеловав Стёпу в маковку, потрепала ему волосы на голове. Стёпа отщипнул кусочек набухшего мягкого теста, быстро сунул в рот. Он любил есть сырое тесто. Особенно сдобное. Стёпка сладкожека. Любит сладкое, пожалуй, по сильнее мух.

–Стёпа! Не ешь сырое тесто, червяки заведутся. – Припугнула, строго Стёпку мама, нахмутив брови. Подождав, когда Стёпа съест завтрак, чтобы не испортить ему аппетит мама к стакану чая положила две шоколадные конфеты в красочной обёртке. У Стёпы загорелись радостью глаза. Для Стёпы это был предел счастья. Праздник день рождения для Стёпы, можно сказать уже удался. О большем он не мечтал. Для Степаново детство конфеты, да ещё шоколадные не просто лакомство, а роскошь. Верный признак достатка семьи. Жили не ахти как! Кушать хватало. Деревня, всё своё растили. А, вот на излишество, денежек не оставалось. Стёпа с великим удовольствием съел лакомство и умоляющим взглядом посмотрел на мать.

–Мама! Мамочка, пожалуйста, дай ещё. – Начал выпрашивать Стёпа. Мама открыла буфет, взяла из вазы пару, положила перед Стёпой. Она знала, что сынок попросит.

–Всё, больше не проси! То люди вдруг в гости придут, а у меня на стол нечего поставить. Сегодня бабушка придёт, тебя поздравить. Чем я её угощать буду? Тут, хоть конфеты к чаю подам.

—А, что бабушка людь что ли?

—Здрасьте, приехали. А кто же она? — Удивилась мать.

—Ну, она же моя бабушка! Она же своя! — Попытался доказать свою правду сын матери. Не понимал Стёпа, чему удивляется мама.

Стёпа вышел в полдень гулять. Влажность воздуха изморосью осела на деревенские постройки. Морозный воздух прозрачно замер в безветренную погоду. Пушистые, белые на белом деревья, покрытые инеем, застыли в сказочной задумчивости. С каждым днём солнце поднималось выше, удлиняя день. Светило ярко отражаясь от белого снега, выбивая слезу из глаз и слепила их. Стёпка, как уважающий себя хозяйственный мужичок смёл голиком, веником из голых берёзовых веток снежную изморось с крыльца дома. Дело вито выхлопал плетённый из прутьев коврик от набившегося снега. Воробьи, взъерошенные, пригревшиеся на солнышке шумно гомонили. Чирикали и чавкали, скакали и перелетали по ставням окон.

—Чего разгалделись! — Стёпа замахнулся на них веником. Воробьи шумно вспорхнули и дружно перелетели на ближайший куст черёмухи, росший за огородом. Стёпа проследил взглядом за ними. На ветках он вдруг увидел ярко красные шары, красочно контрастирующие на белом фоне.

—Так это же снегири! — Изумился вслух он. Эти лесные птицы редко прилетали из леса в село. Они смотрелись невероятно обворожительно сказочно. Стёпа почувствовал се-

бя в фантастической зимней сказке. Соседство крикливых и наглых воробьёв снегирям не понравилось, к Степиному неудовольствию они снялись с веток и улетели. Не успел Стёпа налюбоваться красотой волшебных великолепных птиц.

Стёпка бродил в огороде по целинному снегу, ломая снежную корку изображая себя атомоходом в арктических льдах. Вдруг услышал, как-то необычно мыкнула корова Зорька на скотном дворе под сараем. Стёпа с распирающим его любопытством побежал посмотреть, что бы это значило. Испугался, страсть как! Когда увидел под хвостом у Зорьки с футбольный мяч пузырь. Он в недоумении кинулся в дом. С детской нетерпеливостью спешил поделиться непонятным явлением и прояснить ситуацию у матери.

–Мама, мама, там у Зорьки воздушный шарик под хвостом. – Испугано кричал он в избе. Мать отставила ухват, накинула шубейку и выскочила из дома. Стёпке приказала на ходу раздеться и носа не показывать на двор. По серьёзному лицу матери Стёпа решил для себя, что лучше слушаться маму. Через некоторое время в избу ввалилась мама с телёночком на руках.

–Фу! Какой тяжёлый. – Мать свалила с рук телёнка у порога, прикрыла дверь, разделась отдуваясь. – Телёнок, красный с белым брюхом, весь мокрый попытался подогнуть под себя в коленях ножки и встать. С нескольких попыток у него получилось. Он поднялся на слабенькие ножки. Копытца, словно мокрые кусочки мыла разъехали в разные стороны

по полу. Он осел на живот, раскинув прямые свои ходунки по сторонам. Мыкнул, может хотел попросить помощи. Стал вновь пробовать подняться. Ножки скользили, плохо слушались теленочка.

–Какая, беспокойная! Не успела родиться, уже бежать надо. – С притворным удивлением, ласково говорила мама. Она принесла припасённый с лета мешок мха. Потрусил за печкой над полом. Получилась не плохая подстилка, впитывающая в себя запах и влагу. Вдвоём со Стёпой переместили в закуток телёнка. Мать вставила в пазы две дощечки, перегородила таким образом выход из-за печки.

–Ну Стёпа, не один ты у нас теперь январька. Как телочку назовём? – Спросила мама у Стёпки.

–Это что девочка? Так и назовём, Январка. – Надув до пущей важности щёки, серьёзно, подражая взрослым, сказал Степан.

Январка уже стояла на ногах. Подстилка не давала копытцам скользить по полу. Она тыкалась носом повсюду, ища сосок.

–Надо же, шустрая, ещё не обсохла, кушать хочет. Сейчас пойду твою мамку доить. Потерпи немножко. – Певучим голосом уговаривала Январку довольная мама.

После обеда, ближе к вечеру пришёл людь, то есть бабушка.

–О! У вас пополнение. – С порога заметила она спящего за печкой телёнка.

–Баба! – Выбежал из комнаты в прихожую с радостным криком Стёпа. Он бросился обнимать бабушку. Она поздравила его с днём рождения. Бабушке так же показалось смешным, что Стёпа не считает её лудью. Они пили чай и смеялись.

–Шла к одному на именины, а тут вас оказывается уже двое. А конфеты я тебе Стёпушка вкусные принесла. Вкусные-е-е! – Подшучивала над именинником своя, любимая бабушка. – Шесть лет, солидный возраст. Осенью в школу пойдёшь. Пора уже задумываться, вырастишь, кем будешь?

–Он у нас, мама, будет знаменитым художником. – Гордо ответила бабушке Степкина мама. Немного подумала и добавила. –А, может зоотехником. Лошадей любит, страсть! Только и рисует одних лошадей.

–Да-а! Стёпушка, Стёпушка, ты, когда станешь великим художником, у знаменитых же модно псевдонимы себе придумывать. –Вдруг вспомнила о чём-то своём бабушка. –Ты возьми себе фамилию Сладенький, или Вкусненький. Максим Пешков взял себе псевдоним Горький. Надо же город Нижний Новгород назвать в честь писателя, городом Горьким. Что, к чему? Ты куда? В Горький, хорошо хоть не в Печальный или Нищий. У нас ещё был поэт Демьян Бедный. Хватило ума, не назвали в его честь город. Хм! Город Бедный. Представляешь, человека спрашивают. Где живёшь? А он отвечает, В Сладеньком, или во Вкусненьком. Намного приятней в городах с хорошим названием жить. То-то! О

последствиях сначала надо думать –Шутила бабушка. Мама улыбалась мечтательной, довольной улыбкой. Январка, покормленная мамой сытно спала за печкой. Ей, подумал Стёпа, наверное, снится лето, которого она пока не видела. Дрыгает во сне ногами, поди, по зелёной, со цветущими травами лужайке бегают.

–Ох! Скорей бы лето. – Вздыхает Стёпа. Зима ему при-  
скучила

# Рябиновое варенье

Стёпка боялся спать днём, после обеда, ближе к вечеру. Вернее, не любил просыпаться от гнетущей тишины. Просыпаться тогда, когда был один дома. Неизвестно, по какой причине тишина на него давила, тревожила до боязливости. Он в смятении просыпался от такой звенящей тишины. Чувствовал себя не уютно, как бы ждал, что это затишье предвестник чего-то страшного. Это угнетало его. Как он не старался не спать в это время, только справится со сном не получалось. Нет, нет да иногда засыпал по мимо своей воли.

В этом году он пошёл в школу, в первый класс. Вставать приходилась рано, нужно успеть к девяти часам на первый урок. Так как Стёпа привык спать сколь душа желает, то понятное дело не высыпался. В детский сад он не ходил, вот и не приучился рано вставать. Приходя из школы, Стёпка обедал, садился за уроки. Каждый раз он себе говорил, сегодня спать не буду, сделаю домашнее задание и пойду гулять. Подходило время к четырём часам дня, Стёпа клевал носом и ничего не мог с собой поделать. Прикладывался головой к подушке и засыпал. Когда Степина мама дома, он не боялся спать днём. Он уже просыпался не от мёртвой и страшной для него тишины, а от радостных звуков. Мама, тихо напевая, хозяйничала по дому. Казалось, вещи и предметы были живыми и переговаривались между собой. на сво-

ём, только им понятным языке. Даже будильник весело тикал, отбивая так, аккомпанируя маме. Они вдвоём только на пару с мамой знали эту мелодию песни. Хотя, когда Стёпка просыпался в одиночестве, тот же самый будильник своим унылым, коварным, довольно громким тиканьем в тишине, добавлял тоску Стёпе. Кошка, задрав вертикально хвост и выгнув спину, старается, мурлыкая себе под нос потереться об мамины ноги. Когда Стёпа один, чёрта с два её увидишь. Буфет, не успела мама руку поднести к ручке дверцы, а она уже сама мелодично открывается. Кажется, чашки сами в руки ей прыгают. А, самовар-то на столе! Самовар-то пыхтит, шумно гудит. До того весело ему, ну точно сейчас плясать пойдёт. А, сахар, если мама даже ложечку, наполненную сахаром, не донесёт, перевернёт, то он не просыплется на скатерть, а обязательно долетит, попадёт в чашку с чаем. Это у Стёпки сахар вредничает, так и сыпется из ложечки мимо чашки. Маму все предметы и вещи слушаются и стараются угодить ей. Как радостно всем в доме. Необычайно уютно, когда мама в доме. Жалко только, что такое бывает редко. Мама, обычно всегда работает.

Вот и в этот раз Стёпа проснулся от угнетающей тишины. Всё замерло и ждало ужасное, страшное наползающие тревожное неизвестностью событие. Где-то в нём затаилось томящее, сосущее, выгрызающее в груди нутро чувство страха. Только один будильник в жуткой тишине громко долбил уши барабанным боем. Стёпе сделалось нестерпимо тоскли-

во, хотелось заплакать. Не успел, до него донеслось необычное постукивание по стеклу окна. Ему стало крайне любопытно, Стёпка мгновенно забыл о страхе. Заглянул в комнату, откуда слышался стук. Может кто к ним пришёл? Взглянул на окно и понял, что ошибся. Увидел, это куст рябины, росший в палисаднике у окна ветками стучится в стекло. Стёпа подошёл к окну.

–Что, тебе тоже тоскливо? – Спросил он у рябины. Куст рябины, усеянный гроздьями красных, крупных ягод уныло молчал. Шумел на ветру своими пожелтевшими листьями. Ветер колебал ветку, она тоскливо продолжала монотонно стучать, скрестись по стеклу. Погода хмурилась, пыталась пробрасываться вместе с каплями дождя снегом. Приближались мрачные, сырые, холодные сумерки. Неожиданно, ужасно тоскливо совсем близко раздался вой собаки. Степан взглянул во двор, возле своей будки стоял Полкан, мокрый весь, опустив голову и лохматый хвост, громко, с перерывами выл. Что за охота, мокнуть на дожде? Сидел бы себе в сухой будке. Оказывается, на собак, как и на людей уныние и тоска находят. Стёпке стало жутко страшно, совсем не вмоготу. Он быстро обулся, накинул на себя телогрейку, помчался, что есть сил, застёгиваясь на ходу на работу к маме.

–Кто это тебя так напугал? – Глядя на испуганного Стёпу, спросила мать.

–Никто не напугал меня. Мне одному страшно дома. – Шумно дыша от быстрого бега выпалил Степан.

—Ну, знаешь ли! Ты у меня с половину мужика вымахал и боишься. Прямо, чудно как-то.

—Ага, ты бы тоже напугалась, если услышала еще, как Полкан воеет. — Обиженно заторопился оправдать себя пристыженный Степан.

—Да, когда собака воеет, это страшно. — Стёпка не понял, толи в шутку, толи серьёзно сказала мама. — А, он как выл, верх голову держал или вниз смотрел?

—По-моему в землю смотрел. — Пытался точнее вспомнить Степан.

—Раз выл в землю, значит к покойнику. — Сказала, сама себе мать, тяжело вздохнув. Вот, что-что, покойников Стёпка не боялся. А чего их бояться, живых надо бояться. Так не однократно говорил ему дедушка.

Домой шли не торопясь, трудно им быстро по скользкой грязи идти. Когда они пришли домой, как обрадовался Полкан. Замахал хвостом, слегка поскуливая, натягивая цепь, потянулся, радостно к хозяйке. Куры, увидев Степкину маму, побежали со всех концов двора к матери. Закопошилась и захрюкала свинья в стайке. Громко загоготали гуси. Петух шумно захлопал крыльями, взлетел на забор и кукарекнул для порядка. Тихо мыкнула корова Зорька за изгородью, напоминая матери о себе. В избе кошка с мурлыканьем подбежала к маме, стала ей рассказывать о своей важной кошачьей жизни. Выгнув спину дугой, задрал хвост кверху, трётся о ноги. Печка ожила, радостно вздохнула, прогудела

тихо в трубе, поприветствовала маму. Когда мама затопила её. Печь запела шумно, завывая трубным гулом. Весело потрескивая дровами в топке, задышала жаром согревая избу. Только одна рябина тоскливо смотрит в окно, стучится ветками, просится в дом, в тепло, в уют. Ей не сладко на промозглом осеннем ветру.

— Жалко рябину, если бы она умела ходить, мы бы её в дом запустили. Да, мама? — спрашивает Степан.

— Да, сын! Обязательно бы пригласили зиму пережить. В этом году урожай ягод небывалый. Значит, зима будет холодная. — У неё на каждый случай есть своя примета. — Выпадет снег, ударит мороз, заморозит ягоды рябины мы их соберем. Кипятком обдадим, что бы ни горчили и варенье сварим. Ел когда-нибудь рябиновое варенье? В этот раз попробуешь. — Нежно говорит Стёпе мама. Стёпа зажмурил глаза крепко, пытается представить вкус варёной рябины с сахаром. Да где там, как не представляй, всё во рту только вкус любимого Степкиного малинового варенья. Хотел представить запах, все равно получается малина душистая и всё тут.

Ждёт, не дожждётся Стёпа зимы, морозов жгучих. Почему жгучих морозов, потому что прошлой зимой ему бабушка дала тоненькие, женские перчатки, нужны были к новогоднему Степкиному маскарадному костюму. Одел Стёпа их, чтобы помодничать. Идёт домой по улице, а мороз руки в тонких перчатках щиплет. Все сильнее, сильнее щиплет. Замерзают руки у Стёпки. Бегом помчался домой он, а мороз

ещё более щиплет пальцы. Терпения нет, перестал чувствовать свои пальчики. Догадался он по дороге забежать к знакомым. Показывает свои руки, скованные морозом бабе Марусе. Та всё поняла, сдернула с рук Стёпкиных перчатки, набрала в кастрюльку холодной воды. Велела ему опустить кисти рук в воду, подвинула его поближе к плите жарко топящий печке. Тут Стёпа понял, почему мороз не только щиплет, он оказывается ещё и жгучий. Стали Стёпины пальцы отходить от мороза, огнём зажгло. До того больно, что плакать хочется. Крупные слёзы потекли по щекам. Нет терпенья, стоять, сидеть на одном месте. Затопал Стёпка ногами. Может так легче переносить эту жгучую боль. Баба Маруся с улицы тазик со снегом несёт.

– Потерпи милый, потерпи родной. Скоро пройдёт, отойдут руки то. – Ласковым голосом уговаривает бабушка Стёпу. Сама кладёт комья снега в кастрюлю, что бы вода холодная была, что бы лучше охлаждала руки Стёпкины.

– Как же так! Дети пошли не сдохадливые. Мёрзнут руки, скинул перчатки, сунул руки за пазуху, нехай отохриваются. – Ворчит из комнаты дед Иван. Сколько помнит его Стёпа, дед вместо г всегда говорил х.

Наступила зима. Выпал снег на выходной день. С утра распогодилось. Приморозило. Солнышко радостно спешит насмотреться на приодетую землю, светит отражаясь разноцветными блесками от пушистых, девственных снежинок. Стёпа готовился собирать урожай рябины. Они хотели соби-

рать её вместе с мамой. Изредка поглядывал в окно на усеянную ягодами рябину, запорошенную снегом. Ягода аппетитно дразнила на белом снегу Стёпу.

– Не торопись Стёпа. Пусть солнышко обогреет маленько. Руки меньше мёрзнуть будут. В обед пойдём. – Сказала мать Стёпке. Стёпка согласился с ней. Он теперь не понаслышке знает, что это такое мороз. Сидит, рисует цветными карандашами коней. Любил он рисовать коней, только не такими красивыми они у него получались. Но, мама говорит, что у него замечательные кони, славные кони, резвые рысаки. У него этих нарисованных коней, на каждом рисунке. Жаль только альбомы для рисования быстро заканчиваются. Как и где только не рисовал своих лошадок Стёпа. Вольно пасущихся табунов по лугу. Оседланных рысаков гусарами, лихо скачущих с пиками на перевес в атаку. Запряжённые тройками лошади. Вздрыбленных скакунов, похожих на медного всадника.

Рисует Стёпа, увлечённо рисует. Доходят до Стёпиного уха не понятные звуки, как будто кто свистит, пересвистывает. Не сразу обратил внимание на это посвистывание он. Стёрся зелёный карандаш, много травы на лугу, где кони пасутся пришлось рисовать. Лес в дали ещё раскрашивать зелёным надо. Быстро стирается грифель карандаша, поточить нужно. Отвлёкся от рисования, только тогда обратил внимание на не понятные звуки. Кто это посвистывает? Поднял голову Стёпа, огляделся, глянул в окно. Боже, ты мой!

–Мама, мама! Скорей мама, скорей! Да, что это такое? Кыш, кыш! – Бросился Стёпка с криком к окну, подле которого росла рябина. Все чувства испытал разом, в один момент. Удивление, обида, любопытство, разочарование, сожаления и растерянность. Выступили не прощенные слёзы жалости. До обидного ему стало жалко себя, не будет ему рябинового варенья. За окном, сидя на ветках пёстрые с хохолками птицы склёвывали остатки ягод. Словно тлеющие угольки гасли, исчезали ягодки в клювах, довольно больших, побольше голубей птиц.

–Ой, рябчики! – Всплеснула руками Стёпина мама, прибежавшая из кухни на крик сына. – Не пугай их сынок, пускай уж доедают. Завалило весь корм снегом, надо же из леса сюда прилететь. Вот ещё одна примета к суровой зиме. Пытаются побольше жиру накопить, чтобы успешно перезимовать.

–Они, что как медведи зимой спят в берлоге? Спросил маму Степан. Любопытство победило все остальные Стёпкины чувства. Он с интересом ждал ответ на свой вопрос, не отводя взгляда от птиц.

– Да, нет! Рябчики не впадают на зиму в спячку. Зимой они в основном хвоей питаются. Какие там, в иголках калории, так себе только желудок не пустовал. Не мучило чувство голода. Не до жиру, быть бы живу. Чувствуют они, что люто холодная будет зимушка, поэтому прилетели из леса. – Объясняла сынку мама. – Хотя они тоже спят в снегу но-

чью, когда сильные морозы. Прямо с веток деревьев ныряют в сугроб, как в воду. Под снегом тепло, снег от мороза спасает, никакой холод не страшен. Иногда такая ночёвка, может стать могилой для них. За ночь оттеплит, к утру подморозит, тогда возьмётся льдом снежная корка. Хотят вылететь из плена птицы да сил не хватает снежную корку, ледяную пробить. Погибают под снегом. – Рассказывала Стёпке мама.

–Мама! А давай их подкармливать зимой. У нас же есть засушенная черёмуха. Давай мы её не будем молоть. Я не буду просить тебя больше, что бы ты мне пироги с черёмуховой начинкой стряпала, все равно мы их редко едим. Ещё купим подсолнечные семечки. Будем ходить в лес, рябчиков кормить. – Стёпе стало нестерпимо жалко птиц. Он забыл свою досаду на них, умоляющим взглядом смотрел на мать. Теперь слёзы на глазах выступили у него от жалости к птицам.

–Да, что ты Стёпа, разве мы их всех накормим? Лес, вон какой большой. А птиц в нём тьма-тьмущая. Им наших запасов на полминутки не хватит, только раздерутся между собой. В лесу злые, голодные волки, мне страшно в лес ходить зимой. А вот, здесь на этот куст можно повесить кормушку. Птичек разных, например, синичек подкармливать. Снегири будут прилетать, может ещё какие-нибудь птицы из ближайшего леса столоваться будут. Синичкам можно сало на ниточке привязывать. Когда на ниточке, вороны не смогут склевать его. Ох, всем зимой плохо, у тебя Стёпа слёз на всех

не хватит. Они без нас приспособились к зиме. Зайцу, когда холодно, он бегом носится по лесу, пытается согреться. Белкам хорошо, они умные, запас на зиму себе делают, ещё шубки у них тёплые. Разве ещё медведю хорошо, завалится в берлоге и спит себе, посапывает.

–Лапу сосёт?

–Нет, не сосёт! Это люди так шутят. – Мать погладила Стёпу по голове и поспешила на кухню, к плите, к кастрюлям. Птицы склевали последние ягоды и улетели. Стёпа сел за стол, рисовать рябчиков. Тут, Стёпа в первые в своей жизни сочинил первый свой стишок:

*Из леса рябчики прилетали*

*На куст рябины у окна*

*Вкусную ягоду склевали*

*Идёт лютая зима*

Стёпка записал его на листочке в низу под рисунком рябчиков.

Забылся, потерялся бы этот стишок, мама сохранила. Она мечтала, что Стёпа вырастет талантливым, знаменитым художником. Она хранила все его рисунки, думала, что будет показывать их поклонникам Степиного художества. Стёпка, высунув язык, слегка прикусив, не зря тщательно выводил печатными буквами под рисунком стишок. О рябиновом варенье он забыл. Зачем оно ему, когда есть малина. Каждому

своё, птицам рябина, Стёпке малина.

Когда, много лет спустя, этот рисунок попался Степану на глаза, он вспомнил этот эпизод далёкого детства. Спасибо маме! Спасибо всем, любящим своих детей матерям.

# Наглый и ленивый кот

Стёпка не любил котов, на то была у него своя причина. Кошки, это совсем другое дело. Он благодетельствовал кошкам. Если в доме заводили кошку, то её называли по настоящему Степы Катей. Почему Катей, он и сам не мог объяснить себе. То ли созвучно слову котёнок, то ли нравилось ему само имя Катя. Вот котов он не только не любил, но относился к ним с презрением.

Не любовь котам появилась ещё в детстве, когда его мама после гибели кошки завела кота. Память о погибшей кошке осталась смутная, помнит только Стёпка, что она умная была. Погибла трагически. От злобных собак заскочила на опору электрических проводов. Там её ударило током. Помнит, что мама кошку ругала, когда та запрыгивала на табурет или скамейку отдохнуть. Кошки любят спать по выше. Но, Мурка, так звали их кошку тайком от мамы все равно спала на мебели. Стёпку она игнорировала, не обращала никакого внимания на его замечания. По Муркиному понятию Степан стоит намного ступенек ниже на иерархической лестнице. Мурка первая после хозяйки, и она слушалась только маму. За то по её поведению Стёпка узнавал, что его мама вот-вот должна прийти домой. Если кошка вдруг резко спрыгивала на пол, значит, через несколько минут мама хлопнет калиткой, входя во двор. Стёпка удивлялся этому, как кошка

чуется на расстоянии, среди множества шумов шаги своей хозяйки.

В деревне без кошек жить проблемно, мыши одолеют. Даже кошачий запах уже отпугивает грызунов. Мама завела кота. Хотя она хорошо знала, что коты ленивые, но выбора видно не было. Что кот окажется самым ленивым котом в мире, ясное дело, никто не мог предположить. Мало того, что ленивый, он ещё был нудно голосистый, а это и раздражало Стёпку. Утром его всегда будил противный, истошный голос кота. Мать вставала рано. Когда она выходила доить корову, кот садился на порог и начинал громко, протяжно голосить. Стёпка просонья швырял в него всё, что окажется рядом с ним. Тапочки, подушка, предметы, книги и даже учебники. Только бы кот замолчал, не раздражал его и дал поспать. Но это животное было настырнее и ревело ещё противнее и громче. Это продолжалось каждое утро, до тех пор, пока Стёпка, окончательно проснувшись вставал и выкидывал котятру за дверь. Да, кот и за дверью не давал покоя. Кот начинал скрести дверь и ещё тошнотворнее орать. Нет, чтобы бежать на скотный двор, где мама доит корову. Так он того хуже, выскакивал наружу дома, обегал его кругом, подбегал к ближайшему к Стёпке окну. Кот цеплялся когтями за раму, подтягивал свою противную морду к стеклу, заглядывая в дом, истошно орал. В такие минуты Стёпа готов было ему двинуть по его наглой морде прямо через раму табуреткой. Он едва сдерживал себя. Длился такой концерт до оконча-

ния дойки коровы. Приходила мама и наливала коту парное молоко. Кот, почему-то считал, что если он не будет орать, то ему не дадут тёпленького молочка. Стёпина мама смирилась с ленью кота и говорила, что пусть хоть одним своим присутствием мышей пугает.

В конце весны, в начале лета кот выходил в огород с утра, там была сложена из навоза высокая гряда для посадки огурцов. Котяра запрыгивал на неё и растягивался на солнышке. Навоз перегорал и давал тепло. На нем было жарко даже в прохладную погоду. Так, он мог спать до вечера. Только ставал тогда, когда тень от сарая падала на него. Лениво, с большой неохотой переходил на солнечное место и вновь растягивался, нежился в лучах солнышка. Так сильно любил он тепло.

Как-то Стёпка с братом складировали доски, валявшиеся на земле, как попало. Поймали зазевавшуюся мышь. Видно, ещё с поздней осени она поселилась под досками. Брат сказал, указывая на разнежившего в солнечных лучах кота.

–Неси-ка его сюда, пора ему мышей ловить.

Стёпка схватил разжиревшего кота, подтащил и посадил его на чистое место. Брат отпустил мышку возле него, мышь побежала прятаться. Кот, не только не обратил на неё внимания, но и ухом не повёл и глазом не моргнул, усами не пошевелил, а только посмотрел на Стёпку недовольным, осуждающим взглядом жёлтых глаз и противно мяукнул. Таким образом выразил своё недовольствие, какого чёрта меня бес-

покоите. Брат вновь поймал мышшь за хвост и поднёс её к носу кота, тот демонстративно, показывая своё безразличие отвернулся.

–Ах, ты! Сволочь наглая. Он ещё морду воротит. – И хлесть ему по морде мышшкой, раз, другой, пока кот не убежал. Ему даже убежать было лень.

–Теперь точно не будет ловить мышшей.

–С Понтом, он их ловил. –Ответил на мою реплику брат.

Вот с этого случая Степан стал окончательно презирать котов.

# Голуби, увлечение с детства

Часто бывает, что детские забавы перерастают в увлекательное занятие во взрослой жизни. Если в не профессиональную работу, то в любительское увлечение до самой старости.

Ранним утром высоко в небе кружила небольшая стайка голубей. Старший брат Стёпки Володя находился на крыше и размахивал тряпкой, привязанной к длинному шесту. Время от времени он продолжительно свистел, закладывая два пальца в рот. Стёпка стоял по середине двора, закинув голову и придерживая одной рукой кепку чтобы не свалилась. В другой руке держал надкусанную морковку за тёмно-зелёную ботву. Затаив дыхание, следил за полётом птиц в голубой вышоте. Голуби кружили над домом и с каждым кругом поднимались всё выше и выше. Через некоторое время птицы превратились в едва заметные в небе точки. Брат прекратил свистеть и махать шестом, положив его на пологий скат крыши пристройки. Он с замиранием сердца, так же следил за чуть заметными тёмными точками.

—Первый пошёл. -Восторженно крикнул брат и радостная улыбка засветилась на его лице.

—Да, вижу! -весело закричал Стёпка, сдёрнул с головы кепку и замахал ею круговыми движениями над собой.

—Господи! Ну, словно бесы одержимые. -Послышался го-

лос мамы из открытого окна. Пёс высунул седеющую, сонную голову конуры. Взгляд его как бы спрашивал; “что там ещё у вас?” Одна из точек в небе стремительно приближалась. Вырисовывался силуэт голубя, кувыркавшегося через спину. Растопыренный хвост птицы притормаживал верчение. Голубь достаточно быстро сближался с ещё не успевшем осесть на землю утренним, низко стелящим туманом. Стёпка разглядел, узнал белую с красным пятном лохманогую голубку. Перед самой землёй она расправила крылья и начала подниматься от земли.

—Красава! —полушёпотом, как молитву повторял брат, провожая взглядом голубку. С неба валились, кувыркаясь остальные турманы. Стёпка стоял не шелохнувшись, приоткрыв рот, высунув кончик языка, наблюдал за этим зрелищем не отрываясь. Голуби перед самой землёй потянули на голубятню. Стёпа взлетел по лестнице на верх. Володя стоя по середине голубятни, кормил голубей из своего рта. Птицы облепив его, взмахивая крыльями тянулись, толкая друга друга к его набитому кормом рту. Голуби то и дело садились на его подставленную руку и взлетали столкнутыми с руки другими птицами. Стёпе казалось, что они борются за Володину любовь к ним. Он завидным восхищением наблюдал за этой картиной.

—Гуля, гуля, гуля! —Стёпка брал на вытянутую ладонь корм и подзывал голубей к себе. Часть птиц заметив еду на ладони с шумом подлетал, толкаясь к Стёпе. В такие момен-

ты время замирало для братьев.

—Я вас на голубятню жить отправлю. -С напущенной строгостью в голосе снизу двора, подоив корову кричала сыновьям мать. -Работы невпроворот, а они там любят, воркуют с голубями.

Всё началось с того, что старшему брату знакомый механик подарил книгу про голубей. Он заметил, что Стёпкин брат держит голубей, выбранных из дикарей. Брат отлавливал только цветных, белых, красных и прочих по цвету птиц. Сизые тоже были, только если у них маленький клюв. Этот знакомый механик Леонид, раньше тоже держал голубей. Книга была в мягком переплёте, изрядно потрёпанная. Зато фотографии пород голубей были красочными, цветными. Глядя на эти снимки в книжке, невозможно было не влюбиться в красивых не обычных голубей. Леонид помог обзавестись брату настоящей породистой парой турманов. Тогда же по чертежам в этой книге, брат построил голубятню. Наделал гнёзд, изготовил кормушку, автопоилку. Стёпка с интересом крутился возле старшего брата, стараясь чем-нибудь помочь. Подавал снизу доски, тесины. То выдёргивал старые ржавые гвозди из ненужных мест, выпрямлял их и приносил наверх брату. Фанатичная любовь к голубям брата Володи поражала Стёпкину воображение. Эта любовь, как бы частично передалась Стёпке. Он тайком брал книгу про голубей и по долгу рассматривал цветные фотоснимки в ней. Казалось, голуби, это на всю жизнь. Невозможно оторваться

даже от картинок в книге.

Первую пару голубей держали закрытой в голубятне, пока они не вывели птенцов. Птенцы выросли и высидели ещё своих детей. Так стая голубей постепенно увеличивалась. Брат занимался селекцией, менял по другим сёлам у голубятников своих голубков, чтобы скрестить и вывести что-то своё. Он был можно сказать, помешан на голубях. Стёпка в любви к голубям не отставал от старшего брата. Как только выдавалось свободное время он сразу лез на голубятню. Просиживал там, наблюдая и любуясь голубями забывая всё на свете. Другого мира для него не существовало, пока его не схватится мать. Каждое утро, если позволяла погода, он выходил во двор, наблюдать за полётами голубей. Как брат заставляет взлетать их, размахивая шестом. Каждый раз он изумлялся грациозному кувырканию их из-под небесной выси почти до самой земли. Удивлялся рассказам брата про разные случаи с голубями. Ошеломляюще тарасил глаза на брата, когда брат, съездив в областной центр, побывав там, на птичьем рынке поведал, сколько стоят голуби. Таких зарплат месячных в деревне даже не бывает.

Ранним погожим утром Стёпка проснулся, встал, вышел во двор. Там увидел брата сидевшего, как-то ссутулившегося на приступке амбара. Хмурое его лицо было серым.

– Ты чего, Володя?

– Голубей украли. – Выдавил из себя глухим, сухим голосом брат.

–Как украли? – Крикнул Стёпка и бросился наверх в голубятню. Увидев оторванную, валяющуюся дверцу голубятни он замер, почувствовал, как всё внутри его куда-то проваливается. Дикари, залетевшие в голубятню и жадно склёвывая корм, увидев Стёпку, с шумом вылетали в леток голубятни. Стёпа долго стоял в ступоре с бледным лицом. Вдруг так же неожиданно очнулся и слёзы защиты организма потекли по бледно-мёртвым щекам. Из груди вырвался спасительный стон. Стёпка заревел, текли не только слёзы, сопли и слюни обильно смачивали белую майку. Ему стало жалко себя, обида и досада давила его и выдавливала всю мокроту из него. Ему захотелось куда-то убежать, спрятаться. Он слез и проходя мимо лежавшего возле будки пса со злостью, пнул его.

–у! Гад ленивый, спишь всё, днём и ночью спишь, прокараулил голубей, гад.

Пёс почувствовал свою вину и проворно полез в будку. Стёпа уткнулся в плечо брата, всхлипывая, плакал.

–Не плачь братишка. Новых разведём голубей, ещё лучше прежних. –Успокаивал старший, а у самого глаза наполнились влагой.

После этого разбоя, печалью покрылись сердца братьев.

–Да, сдались вам эти голуби. – С тревогой говорила им мать, стараясь отвлечь чем-нибудь.

Но, как говорят, время лечит. Детские сердца сбросили печаль, ожили в суете быта. Брата выручили знакомые голу-

бятники. Один дал свою лучшую голубку, другой голубя. Так вновь повелись птицы в заводе у братьев. Прежнее горе стало забываться, как появились новые напасти.

Дом у них стоял на берегу, через речку на другом берегу был не большой массив леса. Ребята в него бегали играть в индейцев. Через речку был пешеходный мостик, почему-то жители в деревне его лавой называли. Погнездились в этом лесу ястребиная парочка хищных птиц. Голубей, дикарей на зернотоке обитало тьма тьмущая. Когда взлетают все разом, вдруг кто или что их испугнёт, солнце тускнеет. Казалось бы, пищи ястребиному семейству невпроворот. Охотиться не надо, врезался в стаю, и набьёшь десяток одной только грудью. Так нет, стали эти хищники караулить именно голубей брата. Как только взлетят голубки размять крылья, а ястреб тут же из леса вылетает и бьёт птицу влёт. Стала таять, уменьшаться и без того маленькая стая голубков. Залезет брат на голубятню погонять голубей, взлетят голуби, вылетит, как будто сидел и караулил их ястреб. Собыёт одного, унесёт в лес. Вся стая в перепуге разлетается в разные стороны и садятся растерянные куда попало и сидят по долгу, с мыслями собираются. Отойдут немного от страха своего, и украдкой, низко летят в голубятню. Целыми днями бродили братья по лесу, выискивали гнездо хищников. Всё напрасно лес был не сильно большой, да изрядно густой. Перебили голубей у братьев ястребы, всех породистых голубей. Одна пара турманов и осталась. Стойкая оказалась пара. Брат пере-

стал гонять их уже по утрам. Они сами взлетали и били кувьрки до самой земли. Зрелище, как в цирке. Не раз пытались их сбить ястребы, да только не получалось у них. Увидят голуби их, не пытаются улететь как раньше другие, а кувьркаются камнем в низ. Ястреб, от такого финта, летевший стрелой промахивается, улетаёт восвояси. Так и держалась у брата одна единственная пара турманов лохманогих.

–Дались вам эти голуби. Лучше кроликов разводите. – Несколько раз пыталась мать отвлечь сыновей от тяги к голубям. Она так же, как они тревожилась и переживала за голубей, за детей тоже. Горько плакал по голубям Стёпка ещё раз. Взлетев ввысь, что не было даже видно точек, пара стала бить кувьрки. Чёрный, как смола самец первый отбив кувьрки, перед самой землёй взлетел и потянул к голубятне. Белоснежная голубка перевёртывалась через хвост, вдруг не взлетела, а глухим звуком ударилась об землю. Стёпа со всех ног мчался к месту падения голубки. Та лежала, распластавшись на траве и слегка дрожала в агонии смерти. Степан дрожащими от волнения руками, не веря случившемуся, поднял с земли её.

–Как же так? Как же так? – Причитал плача Степан.

–Всё, больше никаких голубей. Так никаких сил человеческих не хватит. – Строго сказала мать, как отрезала.

Прошло много времени с тех пор. Братья выросли, вырастили своих детей, внуки растут, подрастают, а любовь к голубям не прошла. Старший брат, выйдя на пенсию выстроил

голубятню и завёл голубей. Голуби, это на всю жизнь.

# Алёшкина наука

Я не помню, как появилась эта собачка у нас. Назвали её Шариком. Низкорослый кобелёк на коротких кривых ногах, с умной мордочкой, с куцым обрубок хвоста... За его умную уточненную маленькую мордочку, со стоячими ушками его позже стали называть Шаршель, на французский манер. Не известно какие породы участвовали в его появлении на свет, но одну можно породу определить точно, это такса. Длинное туловище и короткие косолапые ноги явно выражали это.

Шаршель вырос очень хитрой собачкой, умел под мылиться к каждому из нас, показывая свою преданность и готовность честно служить хозяевам. В юности своей лаял даже на воробьёв, залетавших во двор поклевать зёрнышек у кур.

– Знаешь, почему он лает? – спросил меня старший брат: – Он лает на чужих воробьёв, заметь, своих он не гоняет.

Как же Шаршель их узнаёт? – удивлялся я.

– На то он собака. – говорил брат. Была у Шарика Дурная привычка, остаток охотничьего инстинкта, давил куриц. Его за это наказывали, били по морде, задавленной им же курицей хлестали веником, и тряпкой, не помогало, Шарик науку не воспринимал. Всегда делал обиженный не понимающий взгляд и уходил с достоинством в свой угол двора. Весь вид

его показывал, какие же мы глупые, он же для нас старается. Но, своей охотничьей страстью не попускался, упрямился.

—Опять задавил курицу. Вот наказание какое то, и что с ним делать душегубом? Стёпа ты его посади на цепь, какую ни будь. Спроси у дяди Васи. На время, купим, как привезут в сельмаг. Курицу закопай. Шарика я в бане закрыла. — Говорила мне мама, собираясь ранним утром на работу.

—Привяжи этого паразита хоть на проволоку, что ли. Вздохнув тяжело, мама ушла.

Выспавшись, я встал, вышел во двор, умылся из бочки, что стояла под водосточным лотком.

—Пливет, молду моешь? Из щели приоткрытой калитки торчала голова соседского мальчишки. Алёшка не выговаривал букву р, вместо её у него получалась буква л.

—А, Алёшка! Заходи, сейчас чай пить будем. — Пригласил я Алексея.

—Ой, это чиво? — Алёшка уставился на лежачею по середине двора, задавленную Шариком курицу. Глаза у него округлились и застыли в оцепенении.

—Это Шарик поохотился — сказал я, повернув его к крыльцу дома, и тихонько толкая в спину, пытался скорее завести в дом. Алёшка смотрел на валявшую курицу как загипнотизированный, и упирался ногами, выставленными в немного впереди. Наваливаясь спиной на мою руку.

—Курица мёртвая, а перьев кругом. Ой кровь! Шарик чо, охотничья собака?

–Алёха! Ты зачем пришёл? – Мой вопрос вывел его из оцепенения

–Ты чо? Чо ты забыл? –затараторил он, возмущаясь моему вопросу. Мальчишка забыл о курице в один миг. Алёшка заходился в негодовании на меня. –Что вчера говорил? Что! Не помнишь? Что дураком прикидываешься?

–Алёшка, успокойся. Всё я помню. Сейчас позавтракаем, курицу похороним и будем мастерить тебе корабль.

–С парусом надо. – начал успокаиваться Алёшка.

Алексею совсем не давно пошёл шестой год. Детский сад в деревне не работал, родители с утра до вечера находились на работе, а дети как Алёшка были предоставлены сами себе. Склонялись по деревни, в поисках занятие.

Позавтракав мы взяли лопату, положили курицу в ведро, чтобы удобно было нести, выпустили скулившего Шарика из бани, пошли за огород в лесок. Шарик виновато тащился за нами. В лесу пытаюсь перелезть через свалившееся поперёк тропинки сухое дерево, отчаянно скрёб задними лапами об ствол преграды.

–У, каракатица. – ворчал Алёшка на Шарика, помогая ему перебраться через упавшую, не такую уж толстую колоду.

–Не выйдет из него охотничьей собаки. Он в лесу даже мышь не поймает, на своих коротких кривых лапах. Отучали мы его отучали от дурной привычки куриц давить, бесполезно. Крепко сидит эта привычка в нём.

–Плохо отучали, тут уметь надо. –Деловито сказал Алёш-

ка, внимательно посмотрел на Шарика. От взгляда Шарик кажется смутился, или мне это показалось.

Похоронив с честью курицу, полакомившись спелой земляникой, мы вернулись домой. Я достал топор, нашёл под навесом в дровах кусок лиственничной коры, сел на чурбак и стал выстрагивать топором корпус кораблика из куска коры. Алёшка сначала внимательно следил за моей работой, потом ему стало надоедать, его кипучая энергия и неусидчивость хотела буйной деятельности. И Алёша пошёл слоняться по двору. Увлёкшись работой, я вдруг неожиданно услышал поразительный визг собаки кудахтанье разбегающихся в разные стороны куриц.

– Всё теперь отохотился. – Кричал победным голосом шмыгнувшему с визгом под амбар Шарик. Возле куриной кормушки лежало березовое полено.

– Ты что Алёха, а если бы убил? – Испуганно вылетело у меня. – Таким поленом зашибить запросто можно. Как ещё в курицу не попал. – Ворчал я.

– Ничего, крепче наука будет. – деловито ответил Алёшка.

– Ну, Алексей! Ну, укротитель! – удивлялся я Алёшкиной детской безжалостности.

Дождавшись, когда я закончил мастерить кораблик, Алёшка убежал испытывать парусник на воде, грязной, большой, не просыхающей все лето луже. Шарик не подавал признаков своего присутствия. Несколько раз я звал его, заглядывал под амбар. Шарик не отзывался. Только не помер бы

там, поди до смерти пришиб думал я. Обижаясь на Алёшку. Так до самого вечера не смог убедиться, живой Шарик или помер. Ложась спать вечером, я размышлял что утром придётся брать лопату и расширять лаз под амбар. Так как туда невозможно пролезть, а собачку нужно доставать живую или мёртвую. Это займёт немало времени, томящие чувство жалости к собачке пересекались с другими мыслями, и сонным туманом. Утром мне ещё нужно полить овощные грядки приготовить рыболовную снасть, накопать червей. Мы с другом собирались удить рыбу на дальнем озере. Путь туда не близкий. За то караси ловятся со сковородку. С такими размышлениями, не заметно для себя я уснул.

Какое приятное для меня и радостное было удивление, когда, утром выйдя на двор, увидел Шарика. Он подбежал ко мне, махая своим куцым хвостиком, не отрываясь смотрел на меня, вертел головой, наклоня её то влево, то вправо. Смотрел преданными, внимательными глазами.

– Шаршель! Дружище, как я рад. – Обрадовано воскликнул я.

Пришла мама с дежурства.

– Стёп, ты почему Шарика не привязал, пожалел? Ох! Останемся мы без курей.

– Я его с собой на рыбалку возьму, и рассказал ей про события вчерашнего дня.

Я не знаю, что случилось с Шариком, толи Алёшина наука на пользу пошла, толи он сам образумился, но после этого

случая он совершенно перестал обращать на домашнюю птицу внимание.

—А, Алексей! Здравствуй, знаменитый дрессировщик Шариков. —Говорила мама с улыбкой при встрече с Алёшкой, и Алёшка гордо задирает нос, преображался, становился выше и шире в плечах. Делался солидным. Что повлияло на Шаршеля, до сей поры осталось для меня загадкой. Ведь он множество раз был бит, но упорно продолжал давить курей, а тут как отрезало. Крепка стало быть Алёшкина наука.

# Неудавшийся охотник

Стёпкин брат учился в училище, купил с рук старенькое ружьё одностволку шестнадцатого калибра, бескурковую. Приехав домой на зимние каникулы, Кеша озабоченно засуетился. Нужно было обзавестись снаряжением, купить латунных гильз, капселей, пороху и прочего охотничьего запаса. С большим энтузиазмом чистил и смазывал ружьё оружейным маслом, снаряжал патроны, сыпал мерку пороха, дымный одна мерка, бездымный другая, для пули одна, для картечи другая. Ну, эрудированный, как настоящий охотник. Фантазии заполнили его голову. Казалось, что сам процесс приготовления к будущим охотам занимает его больше чем сама охота. То ему надо самодельные пули жакан, простой пулей, медведя не возмёмшь, считал он. То картечь надо связать леской вместе, чтобы кучно била в цель. Он сидел вечерами, разрезал каждую картечину до половины, закладывал в разрез лессу и сжимал пассатижами. Эйфории не было предела. То он рассказывал про повадки промысловых птиц и зверей, то рассказывал охотничьи байки, да так что можно подумать, как будто всё это происходило с ним. Ему не терпелось попробовать ружьё в действии. У них жил заяц беляк, подаренный Стёпке знакомым. Он его поймал петлёй за заднюю лапу, и живого принёс Стёпке. Стёпкина мама не раз настаивала, что бы Сын его отпустил. Каждый раз, когда

заходишь в стайку, заяц скакал как сумасшедший, от стенки к стенке, от пола до потолка, пугая куриц. И Стёпка решился, предложил Кеше поохотится. Поймали зайца в мешок, пришли в лес на поляну. Брат взял ружьё наизготовку, Стёпка вытряхнул зайца из мешка. Тот не спеша, не веря в свою свободу насторожённо, готовый в любой момент резко свинтить, поскакал в густой ельник. Кеша долго целился. Ушастик, повинувшись звериному инстинкту скрылся в зарослях ёлок.

– Вот гад, сбежал, даже не успел прицелиться путём. – Досадливо произнёс брат, отпуская ружьё от плеча, так и не успев выстрелить.

– Ну конечно, он что мишень в тире? – Обескураженно выдавил Стёпа.

– Первый блин комом. – Закидывая ружьё на плечо, деловито сказал Кеша, несколько не смущаясь.

Следующий приезд Кешы на летние каникулы, ему выпала возможность поохотится.

Как-то с вечера Стёпа поленился натаскать с реки воду в бочки для полива овощных грядок. Вода за день в бочках нагревалась, и вечером тёплой водой поливали грядки. Поэтому ему пришлось рано встать, брать вёдра и плестись на речку. Свернув в проулок между двух огородов, расположенных на берегу реки, Стёпка издали увидел у мостков диких уток, плавающих совместно с домашними утками. Степа попятился назад за бугорок, поставил вёдра и побежал будить брата.

–Вставай, охота к тебе сама пришла, там у наших мостков утки дикие плавают. Тормошил малой брата, он в его глазах был уже бывалым охотником. Кеша соскочил, быстро оделся, схватил ружьё и поспешил к реке. Он перелез через жерди забора и пополз по меже пашни к черёмуховым кустам, растущим на берегу. День ожидался погожим, роса выпала на землю. Кеша сейчас вымокнет весь, ползя в траве. Думал Стёпа, поудобнее присаживаясь на валявшиеся толстое бревно и приготовился ждать, когда брат скрадёт уток. Время шло, Стёпка устал ждать и пожалел, что сказал Кеше про уток. За это время можно было воды натаскать полные бочки. Парень собрался сходить домой, взять ещё два ведра и коромысла, чтобы носить воду четырьмя вёдрами, два на коромысле, два в руках. Взглянув на черёмуховые кусты, понял, что развязка близка. В безветренную погоду кусты слабо шевелились. Значит, брат подкрался близко к уткам. Кусты росли у самой воды. Стёпка застыл, ожидая выстрела. Вдруг, неожиданно, над высокими кустами черёмухи, появилась густое медленно поднимающееся расплывшееся вширь облачко сизого дыма. Утки взлетели и скрылись за поворотом реки.

–Порох отсырел. – Возвращаясь с реки и проходя мимо, мокрый от росы недовольно произнёс брат, и злобно взглянул на Стёпку, словно он виноват был в этом.

После этого случая энтузиазм Кешы заметно поубавился. Окончательное разочарование охотой к нему пришло осе-

нию, когда наступил сезон заготовки мяса домашних животных. В ноябре устанавливается постоянная морозная погода, в деревне начинается массовый забой откормленной за лето домашней живности,

В праздничное утро седьмого ноября к ним пришёл живший по соседству дед Паша. Они были приезжие, в деревне ходили слухи, что он во время войны служил полицаем у немцев. Что его сослали после освобождения из лагеря в нашу далёкую сибирскую глухомань. Ещё бывало, когда он со своей бабкой выпивал, она в пьяной злобе кричала на него.

–Фашист не добытый. Да и говор у них был украинский.

Дед Паша попросил ребят помочь заколоть борова. С раннего утра Кеша взял ружьё, Степан паяльную лампу, и пришли к старикам во двор. Стёпа начал разжигать лампы, Кеша зарядил одностволку, дед выгнал из стайки большого, хорошо откормленного борова, действительно на такого кабана с ножом не пойдёшь.

–Стреляй Кешка во ухо, чтоб наверняка. – Посоветовал дед Стёпкиному брату. Боров смирно стоял боком к Кешке, на расстоянии пяти метров, тот прицелился и выстрелил. Степан, к своему ужасу увидел, как верхняя челюсть в районе пятака под прыгнула и снова упала на место. Промазал, со страхом мелькнула в голове у Степана. Боров с визгом, с перебитой верхней челюстью понёсся по двору сметая всё на своём пути, и было смертельно опасно оказаться у него под ногами. Затопчет и искалечит. Ребята прыгнули на за-

бор, спасаясь от обезумевшего животного.

– Ты что не мог нормально прицелиться и стрельнуть. – Орал Стёпка брату, стараясь перекричать визг свиньи, сидящему на соседнем заборе. – Что сидишь, добивай пока не убежал на улицу, потом где его искать будешь.

– Сам добивай. – Крикнул ему брат Кеша и подал ружьё. Уловив момент, Степан прицелился, сидя на заборе и выстрелил. Отдача в плечо была от выстрела настолько сильная, что его снесло с изгороди. Ружьё вылетело из рук и отлетело в сторону, ударив больно по пальцам правой руки дугой спускового крючка. Пока он поднимался и перелезил во двор, дед, выскочив из сеней дома уже воткнул нож в сердце лежащему кабану, для верности.

– Это что за усиленные заряды у тебя, не на медведя ты собрался идти. – Выговаривал Степан брату.

– Да ты слабак просто. – Невозмутимо ответил он.

– А ты с пяти метров не мог попасть свинье в ухо, мог бы просто наставить ствол вплотную и выстрелить, он же смирно стоял.

– Ты ещё будешь меня учить. – Ответил, как поставил точку брат.

На другой день пришла с утра ещё одна соседка баба Валя. К ней приехал на ноябрьские праздники сын, нужно было забить свинью на мясо, сын приехал за мясом. Отказать ей, было невозможно, брат сказал, что Валера, так звали сына бабы Вали, пусть сам стреляет в свинью. На этом и решили.

Они взяли паяльные лампы, для обжигания щетины сви-  
ньи, ружьё и пошли к тётке Вале. Она выгнала со двора сви-  
нью на лужайку рядом с подворьем, наверное, не хотелось  
убираться во дворе после убоя. Поставила старый таз с кор-  
мом и поспешила скрыться. Убой животного, за которым  
больше полугода ухаживаешь, кормишь, лелеешь, зрелище  
не из приятных. Валера прицелился и выстрелил. Выстрел  
не получился. Произошёл громкий, шипящий хлопок, кар-  
течины ударили по лбу свинье и осыпались со звоном в таз с  
кормом. Голова животного покрылась чёрной копотью, а из  
ствола ружья шёл ядовитый сизый дым. На мгновенье насту-  
пила жуткая тишина, казалось время застыло. Первым опом-  
нился Валера, с отборным матом отбросив ружьё в сторону  
он выхватил из-за голенища сапога нож, бросился к свинье  
с криком.

—Кеша, держи её!

Кеша, ничего не соображая, кинулся к свинье и упал ей  
на спину верхом, схватив её руками за уши. Свинья с виз-  
гом помчалась вдоль изгороди огорода, сделанную из жер-  
дей. Заметив более большое расстояние между жердями, она  
нырнула в эту дыру. Кеша со всего свинячьего маха вре-  
зался головой в верхние жерди, слетел со спины свиньи на  
землю. Свинья, проскочив в дыру бросилась во всю одурь  
на утёк. Валера, неистово матерясь, перемахнул прысло, по-  
гнался вдогонку за бедным животным.

—Стой! Валера. Успокойся и свинью оставь в покое. Раз-

ве ты её догонишь? Дай несчастному животному успокоится тоже. Что вы как очумелые, как, словно вам по лбу настучали. Крикнул Стёпка ему, подбирая ружьё. Сходив домой, перезарядил две гильзы сухим порохом и вложив по три картечины, туго запывивал их. Ещё со своего двора он услышал, как хохочет брат с Валерой, до них дошёл весь комизм ситуации. Свинья стояла в углу огорода, тяжело дыша, Стёпка не стал близко подходить к ней, что бы ещё больше не напугать и выстрелил, она присела на задние ноги и свалилась на бок, дёргаясь в агонии. К свинье уже бежали Кеша и Валера с ножом в руке.

Мама вечером за ужином спросила:

—Ну что, забойщики! Когда свое то поросё будим колоть? Сами будете забивать, или мне кого-нибудь позвать?

Кеша взглянул на Стёпку, словно спрашивая совета. Тяжело вздохнул и сказал:

Нет, мама. Давай позовём Васю “шлёп ногу”. Он в этом деле виртуоз.

—Хорошо! Давай пригласи Васю, бутылку покупать к жарнине не буду, у меня бражка выходилась. — Сказала мама и чему-то усмехнулась.

Дома забой прошёл без эксцессов. Вася по кличке “Шлёп нога”, прозванной за свою ногу. Она у него была длинней другой, при ходьбе он её как-то странно выкидывал перед собой, получалось как будто он шлёпает ей об землю, пришёл утром.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.